Артем Игоревич Кобзев

доктор философских наук, профессор

заведующий отделом Китая ИВ РАН,
главный научный сотрудник ИКСА РАН,
директор УНЦ «Философия Востока» РГГУ,
главный научный сотрудник Хэйлунцзянского университета (КНР, Харбин),

вице-президент Международной ассоциации ицзиноведения
(*Го-цзи И-сюэ лянь-хэ-хуй* 国际易学联合会),
основатель и редактор научно-просветительского сайта
«Синология.Ру: история и культура Китая» (https://www.synologia.ru/),

лауреат Государственной премии РФ за 2010 год за выдающиеся
достижения в развитии китаеведения и подготовку фундаментальной
академической энциклопедии «Духовная культура Китая»,
лауреат Национальной премией КНР за 2020 год за особый вклад
в популяризацию китайской литературы и развитие культурных связей,

автор 1600 научных работ, в т. ч. 10 монографий

Специфика китайской философии и культуры

Москва
2026

Древнейшие и одновременно наиболее развитые культуры современного мира образуют **глобальную альтернативу**, подобную психосоматической, половой и всем прочим бинарным противоположностям человеческого тела, вида и социума.

Взаимная **полярность западной** (евро-американской, индоиранской, арабо-мусульманской) и **восточной** (китайской, или синистической) **культур** имеет глубочайшие антропологические, а не только социальные и историко-культурные корни, выражаясь в кардинальном различии языков, типов письменности, языковых картин мира, психотипов, социо-культурных норм, религиозно-философских систем и, возможно, даже отражая вариативные особенности сапиентации в двух разных и удаленных друг от друга частях земли.

Китайский вариант — это предельно развитая культурная позиция здравомыслящего и социализованного «нормального» человека, по выражению Тейяр де Шардена, «бесконечно усложненный неолит»; **западный** — парадоксальное отклонение от «нормы», своего рода «извращение ума», основанное на «стремлении к невозможному» и «вере в абсурдное». Корни этой идеологии уходят в древний индоевропейский обычай сожжения, т.е. полной дематериализации самого дорогого для древнего человека — его почивших предков, что находится в разительном контрасте с древнеегипетским и китайским культом тел умерших.

Формирование **западной цивилизации** было обусловлено рядом уникальных и неповторимых событий («греческое чудо», рождение капитализма, научно-техническая революция) и соответственно самоосмыслялось с помощью **линейной концепции времени** и признания таких абсолютно уникальных актов исторической драмы, как **Боговоплощение** или **Второе пришествие**.

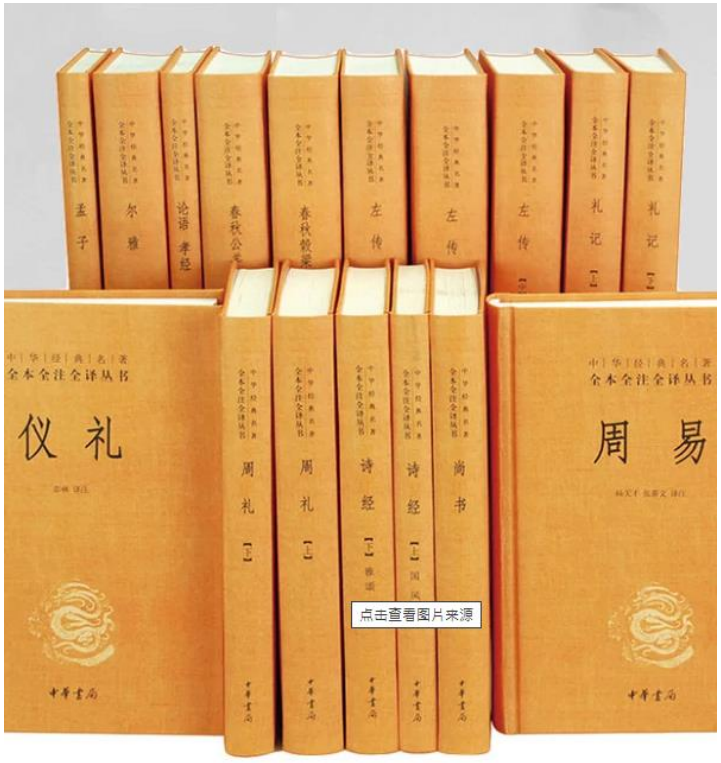
Напротив, **китайская цивилизация** развивалась **циклически** и самоосмыслялась в терминах теории «вечного возвращения на круги своя».

В **западном** экстрасенсуальном и сверхрассудочном мировоззрении, будь то платоническая философия, христианская теология или научная теория, происходит **трансцендирующее удвоение мира** в его идеальной конструкции.

Для **китайского** же сенсуалистического и рассудочного натурализма **мир един и неделим**, в нем все имманентно и ничто, включая самые тонкие божественные сущности, не трансцендентно.

В идеальном мире **западного человека** действуют абстрактные **логические законы**, в натуралистическом мире **китайца** — классификационные структуры, а в методологии рационального знания место логики занимает **нумерология**. Следствием подобного «здравомыслия» стало то, что в Китае философия всегда была царицей наук и никогда не становилась «служанкой богословия».

Хотя с теологией ее роднит непреложное использование **регламентированного набора канонических текстов**. На этом пути, предполагающем учет всех предшествующих точек зрения на каноническую проблему, китайские философы с неизбежностью превращались в историков философии, и в их сочинениях исторические аргументы брали верх над логическими. Более того, логическое историзировалось, подобно тому как в христианской религиозно-теологической литературе Логос превратился в Христа и, прожив человеческую жизнь, открыл новую эру истории. Но в отличие от «настоящего» мистицизма, который отрицает как логическое, так и историческое, претендуя на выход и за понятийные, и за пространственно-временные границы, в китайской философии преобладала тенденция к полному погружению мифологем в конкретную ткань истории, что можно назвать антиэвгемеризмом.

«Тринадцатиканоние» («Тринадцать канонов»)

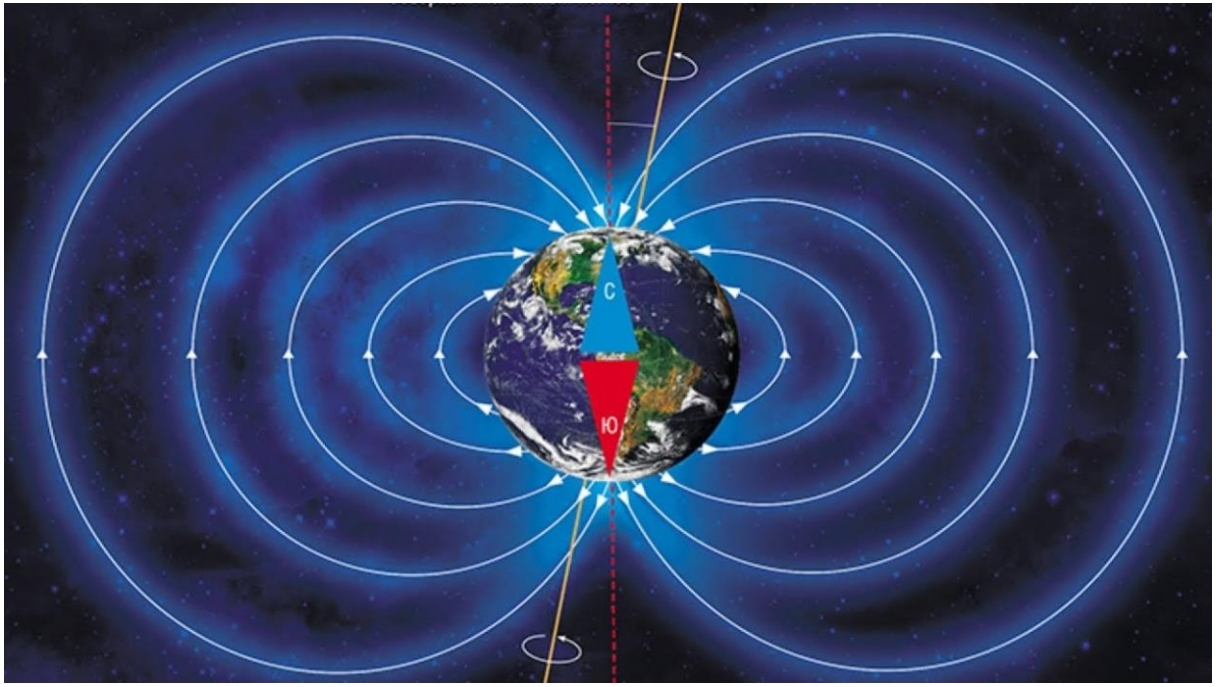
十三經

Собрание авторитетнейших памятников древнекитайской мысли (кон. II — кон. I тыс. до н.э.), канонизированных **конфуцианством** и являвшихся в Китае вплоть до начала XX в. основой традиционной философии, науки, системы образования и государственных экзаменов для получения ученых степеней и официальных должностей.

Как Земной шар, мир двуполярен, и одним из его полюсов почти всю историю человечества был и в XXI в. будет **Китай**.

Его одновременно религиозная, философская и научная «книга книг» **«Канон перемен» («И цзин»** 易經**)** – предшественница двоичного кода всех компьютерных программ, а иероглифика – претендент на роль языка международного общения в Интернете. В сегодняшнем визуальном мире картинки побеждают слова и древняя культура иероглифических изображений обретает вторую молодость.

Научное осмысление этого необходимо для адекватного соотнесения реального «столкновения цивилизаций» с идеальным «диалогом культур».

Актуальность проблеме придает не только ярко сбывающееся по прошествии трех десятков лет пророчество С.Ф. Хантингтона (S.Ph. Huntington, 1927–2008) о «столкновения цивилизаций», но и современная дискуссия о соотношении понятий **«цивилизация»** и **«государство»**.

Восходящее к началу 1990-х утверждение Л. Пая (L.W. Pye, 1921–2008), что Китай – «цивилизация, притворяющаяся государством», А.В. Лукин через тридцатилетие в 2023 г. перевернул в тезис: Китай – «государство, притворяющееся цивилизацией». Мартин Жак (Martin Jacques) в 2009 г. назвал Китай объединяющим термином **«государство-цивилизация» (civilization-state)**, а Чжан Вэй-вэй 张维为 через три года уточняюще трансформировал его в **«цивилизационное государство»** (**civilizational state,** 文明型国家 ***вэнь-мин син го-цзя***; буквально **«государство в форме цивилизации»**).

С 2023 г. и РФ официально самоопределилась как «государство-цивилизация», сразу породив вопрос о ее взаимоотношениях с КНР как межгосударственных или межцивилизационных и об отношении обеих стран к признаваемой ими единой «человеческой цивилизацией», при том существенном различии, что первую интересует статус особой цивилизации, а вторую – особого государства. Вообще же без строгого определения признаков цивилизации или при сведении его к указанию на уникальность носителем таковой можно считать все что угодно и даже кого угодно, от целого человечества до отдельного человека.

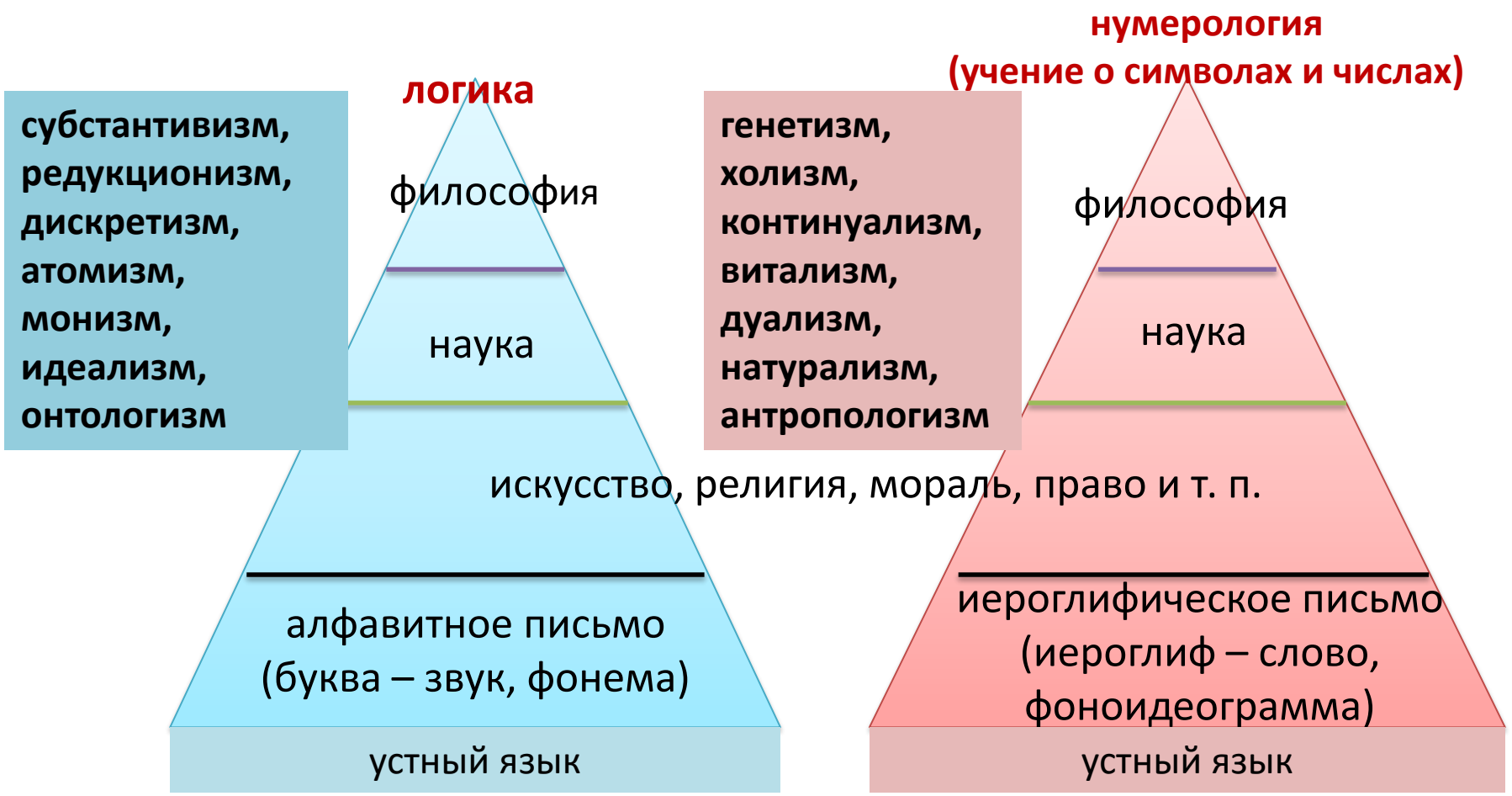
Кроме того, для сопоставления сопоставимого, следует не просто в количественном аспекте различать разные степени развития культур и цивилизаций, но и установить их качественные градации, позволяющие не утонуть в «мультикультурализме без берегов», принципиально уравнивающем культуры современных постиндустриальных государств и племен Амазонии. Эту задачу позволяет решить введение всего **двух отличительных признаков: исторического и логического – автохтонности** и **структурной полноты**.

Первый означает не заимствованный, а **самородный характер** всех конституирующих элементов развитой культуры (форм общественного сознания), второй – ее **достроенность до «вершины» в виде философии**, играющей универсальную обобщающую и методологическую роль.

Для наглядности можно воспользоваться **образом пирамиды** как одного из самых ярких достижений человечества. Ее основание символизирует естественный язык, следующий уровень – письменность и т. д. вплоть до самого философского верха, над которым в свою очередь возвышается «замыкающий камень» – собственный методологический «органон». Развитая культура может и не иметь философии, как, например, древнеегипетская, в таком случае ей соответствует пирамида с усеченным верхом, наподобие пирамид Джосера и Месоамерики, месопотамских зиккуратов и московского мавзолея.

«ЗАПАДНАЯ» КУЛЬТУРА

«ВОСТОЧНАЯ» КУЛЬТУРА

Применение двух указанных признаков сводит количество основных культур в истории человечества, насчитываемых от 5–8 до двух с лишним десятков, всего к **трем – западной (европейско-средиземноморской), индийской и китайской (синоиероглифической/синической)**. Сопоставление членов данной триады, с поразительной синхронностью приобретших свои определяющие черты в первой половине I тысячелетия до н.э., обнаруживает **очевидную двоичную поляризацию: Восток – Запад**, в которой, вопреки расхожему мнению, **«срединная» Индия относится не к первому, а ко второму полюсу**. Это следует из генетической и языковой **индоевропейской общности**, подкрепленной генетическим и сущностным единством алфавитной письменности, религиозно-мифологических архетипов, взаимообменом философских идей со времен древнегреческих философов и древнеиндийских гимнософистов и показавшей способность вестернизироваться с помощью англоязычных культурных стандартов. Напротив, в самобытном очаге китайской цивилизации ныне прослежено существование человека по разным оценкам от полутора до двух с половиной миллионов лет назад, т.е. здесь проходил особый процесс сапиентации, формирования психосоматики и естественного языка, принципиально отличного от языков всех прочих основных цивилизаций, входящих в ностратическую макросемью и связанных с иным смешением разных подвидов первобытного человека.

Китайская философия возникла примерно в то же «осевое» время, что и древнегреческая и древнеиндийская, — **в середине I тыс. до н.э.** Отдельные философские идеи и темы, а также многие термины, образовавшие потом большую часть лексикона традиционной философии, содержались уже в древнейших письменных памятниках китайской культуры — «Шу цзине» («Каноне [исторических] писаний»), «Ши цзине» («Каноне стихов»), «И цзине», сложившихся в 1-й пол. I тыс. до н.э. Это иногда служит основанием для утверждений (особенно китайских ученых) о возникновении философии в Китае в начале I тыс. до н.э. Данная точка зрения мотивируется также тем, что в состав указанных произведений входят отдельные самостоятельные тексты, имеющие развитое философское содержание, например глава «Хун фань» («Величественный образец») из «Шу цзина» или комментарий «Си цы чжуань» («Предание привязанных слов») из «И цзина». Однако, как правило, создание или окончательное оформление подобных текстов датируется уже второй половиной I тыс. до н.э.

Первым исторически достоверным творцом философской теории в Китае был **Конфуций** (VI–V вв.), осознавший себя выразителем духовной традиции *жу* — ученых, образованных людей, интеллигентов, чье наименование стало затем терминологическим обозначением для конфуцианства. Согласно традиционной датировке, старшим современником Конфуция был **Лао-цзы, основоположник даосизма** — главного оппозиционного конфуцианству идейного течения.

Однако ныне установлено, что первые собственно даосские произведения были написаны после конфуцианских, даже, по-видимому, явились реакцией на них. Лао-цзы как историческое лицо скорее всего жил позже Конфуция. Видимо, неточно и традиционное представление о доциньском (до конца III в. до н.э.) периоде в истории китайской философии как эпохе равноправной полемики «ста школ», поскольку все существовавшие в то время философские школы самоопределялись через свое отношение к конфуцианству.

Легендарная встреча Лао-цзы с Конфуцием

Неслучайно, что закончилась эта эпоха «антифилософскими» репрессиями императора **Цинь Ши-хуана** в **213–210 гг.**, направленными именно против конфуцианцев.

Термин ***жу*** 儒 с самого возникновения китайской философии обозначал не только и даже не столько одну из ее школ, сколько **философию как единый идеологический комплекс, сочетавший в себе признаки философии, науки, искусства и религии**. В разные эпохи баланс этих признаков был различным.

Во II в. до н.э. конфуцианство добилось официального статуса ортодоксальной идеологии, но и до этого оно неформально обладало подобным статусом.

Следовательно, вся история китайской философии связана с фундаментальным разделением философских школ по признаку соотнесенности с ортодоксией. Этот релевантный теологии **классификационный принцип** имел в традиционном Китае универсальное значение, распространяясь на все сферы культуры, в том числе на научные дисциплины.

Конфуций и первые философы — *жу* — видели свою основную задачу в теоретическом осмыслении жизни общества и личной судьбы человека. Как носители и распространители культуры, они были тесно связаны с социальными институтами, ответственными за хранение и воспроизводство письменных, в том числе исторических и литературных, документов (культура, письменность и литература в китайском языке обозначались одним термином — ***вэнь*** 文), и их представителями — скрибами-*ши* 史, т.е. летописцами, хронологами и астрономами.

Отсюда **три основные особенности конфуцианства**:

1) в институциональном плане — связь или активное стремление к связи с административным аппаратом, постоянные претензии на роль официальной идеологии;

2) в содержательном плане — доминирование социально-политической, этической, обществоведческой, гуманитарной проблематики;

3) в формальном плане — признание текстологического канона, т. е. соответствия строгим формальным критериям «литературности», как методологически значимой нормы.

С самого начала программной установкой Конфуция было **«передавать, а не создавать, верить древности и любить ее»** (**«Лунь юй»**, VII, 1). При этом акт передачи древней мудрости грядущим поколениям имел культуросозидательный и творческий характер, хотя бы потому, что архаические произведения (каноны), на которые опирались первые конфуцианцы, были уже малопонятны их современникам и требовали осмысляющих истолкований.

В итоге доминантными формами творчества в китайской философии стали комментаторство и экзегеза древних классических произведений.

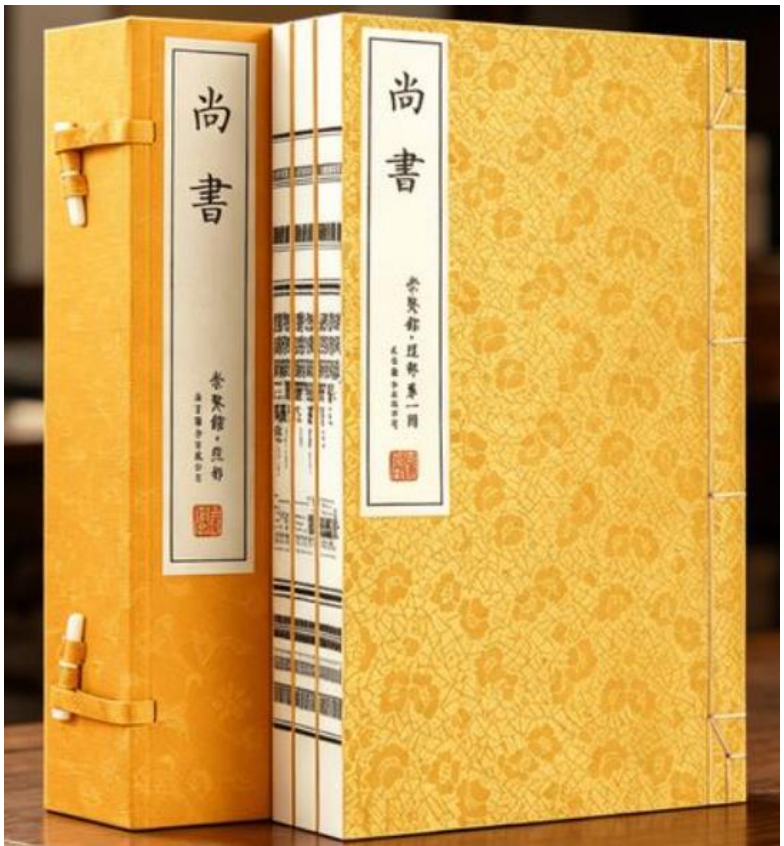
Даже самые смелые новаторы стремились выглядеть всего лишь истолкователями или восстановителями старинной идеологической ортодоксии. Теоретическое новаторство, как правило, не только не акцентировалось и не получало явного выражения, но, напротив, намеренно растворялось в массе комментаторского (квазикомментаторского) текста.

Эта особенность китайской философии определялась целым рядом факторов — от социальных до лингвистических. Древнекитайское общество не знало полисной демократии и порожденного ею типа философа, сознательно отрешенного от окружающей его эмпирической жизни во имя осмысления бытия как такового. Приобщение к письменности и культуре в Китае всегда определялось достаточно высоким социальным статусом и определяло его. Уже со II в. до н.э., с превращением конфуцианства в официальную идеологию, начала складываться **экзаменационная система**, закреплявшая связь философской мысли как с государственными институтами, так и с «классической литературой» — определенным набором канонических текстов.

Издревле же подобную связь обусловливала специфическая (в том числе лингвистическая) сложность получения образования и доступа к материальным носителям культуры (прежде всего книгам).

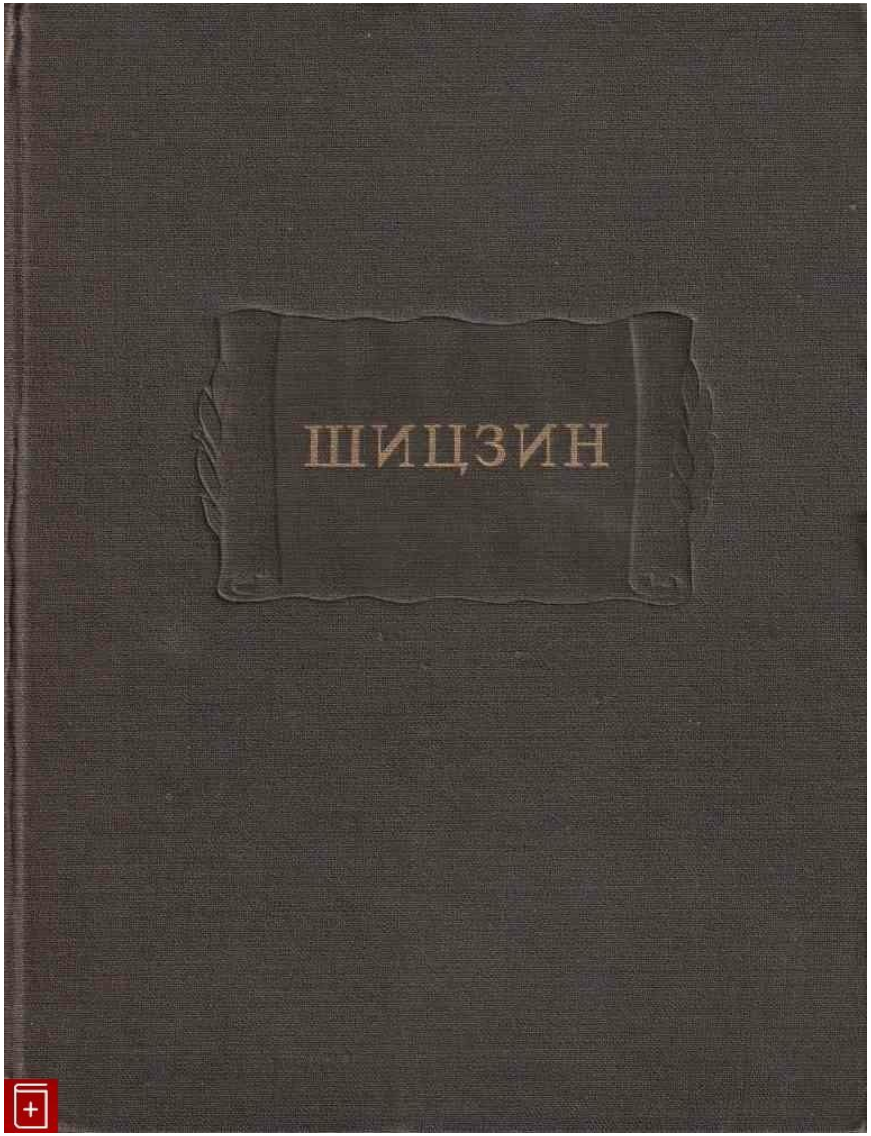

То, что собирался «передавать» Конфуций, было зафиксировано главным образом в исторических и литературных памятниках — **«Шу цзине»** и **«Ши цзине»**. Таким образом, специфику китайской философии определяла тесная связь не только с исторической, но и с литературной мыслью. В философских произведениях традиционно царила литературная форма. С одной стороны, сама философия не стремилась к сухой абстрактности, с другой — литература была пропитана «тончайшими соками» философии. По степени беллетризации китайская философия может быть сопоставлена с русской философией. Эти черты китайская философия в целом сохраняла вплоть до начала XX в., когда под влиянием знакомства с западной философией в Китае начали возникать нетрадиционные философские теории.

Два полных поэтических перевода на русский язык:
Алексея Александровича Штукина (1904 – 1963) и **Владимира Петровича Абраменко**

1957 г.

2015 г.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО «ТАЙЦЗИ»

ЧТИМАЯ КНИГА

Древнекитайские тексты и перевод
«Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»)

尚書

尚書

КИТАЙСКАЯ КЛАССИКА
В АКАДЕМИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ

КАНОН ЗАПИСЕЙ

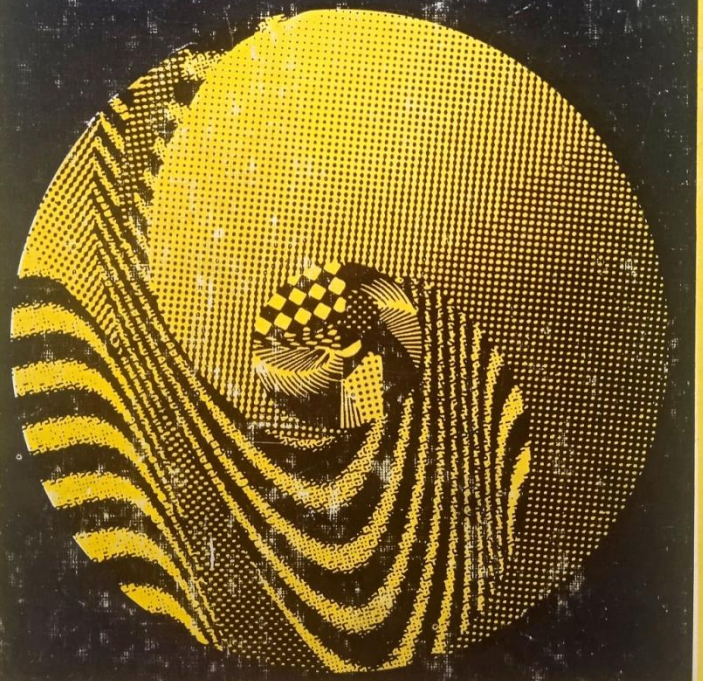
Ю.К.Щуцкий

КИТАЙСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ·КНИГА ПЕРЕМЕН·

易經

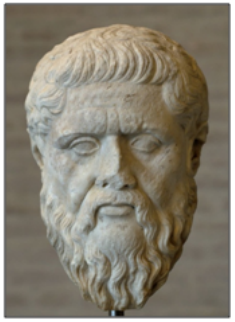
А.И.КОБЗЕВ

Учение о символах и числах в китайской классической философии

Специфику китайской классической философии в содержательном аспекте определяет прежде всего господство **натурализма** и отсутствие развитых идеалистических теорий типа платонизма или неоплатонизма (тем более классического европейского идеализма нового времени), а в методологическом аспекте — **отсутствие такого универсального общефилософского и общенаучного органона, как формальная логика** (что является прямым следствием неразвитости идеализма).

Речь идет именно о натурализме, а не о материализме, потому что последний коррелятивен идеализму и вне этой корреляции термин «материализм» утрачивает научный смысл. Само понятие материи европейская философия получила из недр платоновского идеализма (а термин «идея» — из демокритовского материализма).

ПЛАТОН
5 – 4 вв.
до н. э.

ИДЕАЛИЗМ
УДВОЕНИЕ МИРА
мир идей

мир вещей

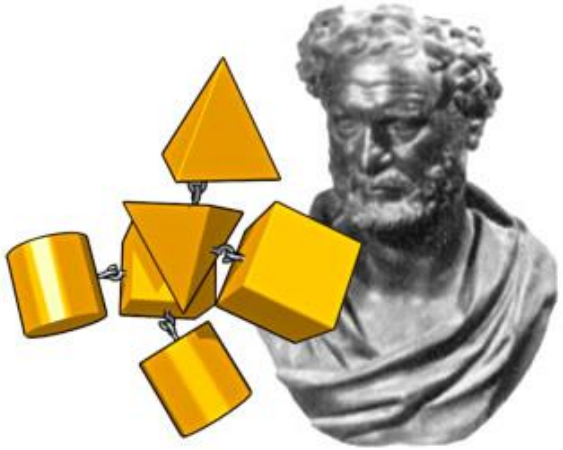
НАТУРАЛИЗМ

Ци 氣

✓Синкретическая психофизическая реальность – нет психофизической проблемы
✓Нет внетелесных сущностей (души имеют свою телесность)
✓Мир единый, нет ничего вне мира (боги и души находятся внутри мира)
✓Нет ничего вечного и неизменного (как идеи у Платона или числа у Пифагора), мир – это мир **перемен**

ИДЕАЛИЗМ ⟷ **МАТЕРИАЛИЗМ**

Исследователи китайской философии часто усматривают понятие идеального в категориях *у* 無 — «отсутствие-небытие» (особенно у даосов) или *ли* 理 — «принцип-резон» (особенно у неоконфуцианцев). Однако *у* в лучшем случае может обозначать некоторый аналог платоновско-аристотелевской материи как чистой возможности (актуального небытия), а *ли* выражает идею упорядочивающей структуры (закономерности или «законного места»), имманентно присущей каждой отдельной вещи и лишенной трансцендентного характера. В классической китайской философии, не выработавшей понятия идеального как такового (идеи, эйдоса, формы форм, трансцендентного божества), **отсутствовала не только «линия Платона», но и «линия Демокрита**», поскольку богатая традиция материалистической мысли не формировалась в теоретически осмысленном противопоставлении ясно выраженному идеализму и самостоятельно вообще **не породила атомистики**. Все это свидетельствует о несомненном господстве в классической китайской философии натурализма, типологически схожего с демокритовским философствованием в Древней Греции, но несопоставимо более сложного благодаря многовековому последовательному развитию.

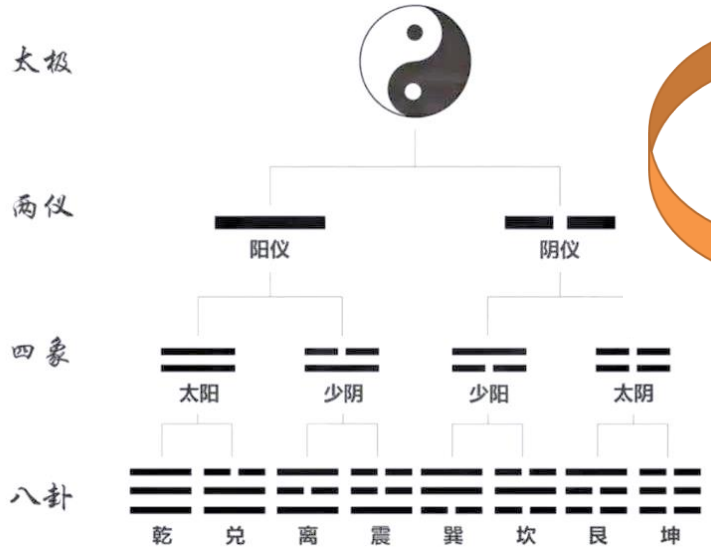

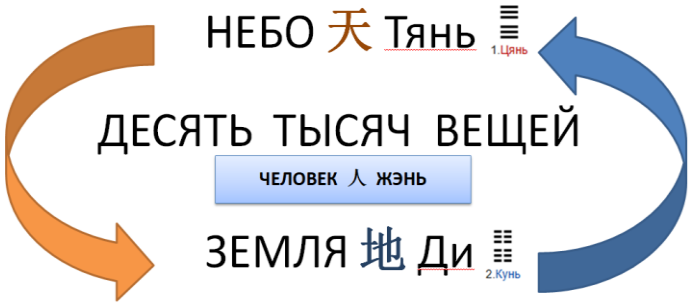
Атомы Демокрита

Одним из следствий общеметодологической роли **логики** в Европе стало обретение философскими **категориями** прежде всего логического смысла, генетически восходящего к грамматическим моделям древнегреческого языка. Сам термин «категория» подразумевает «высказываемое», «утверждаемое» (catēgoreō). Китайские аналоги категорий, генетически восходя к мифическим представлениям, образам гадательной практики и хозяйственно-упорядочивающей деятельности, обрели прежде всего натурфилософский смысл (поэтому китайскую философию предложено именовать филусией) и использовались в качестве **классификационных матриц**, например:

- двоичная — *инь ян* или *лян и* — «двоица образов»;
- троичная — *тянь, жэнь, ди* — «небо, человек, земля» или *сань цай* — «три материала»;
- пятеричная — *у син* — «пять элементов».

Место логики в Китае занимала так называемая **нумерология (*сяншучжи-сюэ*)**, т.е. формализованная теоретическая система, элементами которой являются математические или математикообразные объекты — числовые комплексы и геометрические структуры, связанные, однако, между собой главным образом не но законам математики, а иначе — символически, ассоциативно, фактуально, эстетически, мнемонически, суггестивно и т. д.

Возникшую в Европе в середине XVIII в. трактовку методологического органона «И цзина» как логического трактата в середине 1930-х годов убедительно опроверг **Ю.К. Щуцкий** (1897–1938) в СССР. В это же время в Китае Шэнь Чжун-тао 沈仲涛 (C. T. Sung, 1892–1980) в специальной монографии показал, что **нумерология «И цзина»** может быть использована в качестве **общенаучной методологии**, поскольку представляет собой стройную систему символических форм, отражающих универсальные количественные и структурные закономерности мироздания.

Общерегулятивную роль нумерологии в самом широком контексте духовной культуры традиционного Китая как своеобразной **методологии китайского «коррелятивного (ассоциативного) мышления»** тогда же блестяще продемонстрировал выдающийся французский синолог **М. Гранэ** (M. Granet, 1884–1940). Работы Гранэ способствовали возникновению современного структурализма и семиотики, но долгое время, несмотря на свой высокий авторитет, не находили должного продолжения в западной синологии.

Наибольшее развитие теория «коррелятивного мышления» нашла в трудах крупнейшего западного историка и теоретика китайской науки **Дж. Нидэма** (J. Needham, 1900–1995) который, однако, принципиально разделил «коррелятивное мышление» и нумерологию. С его точки зрения, первое в силу своей диалектичности служило питательной средой для подлинного научного творчества, вторая же, хоть и производна от первого, скорее тормозила, чем стимулировала развитие науки.

Самых радикальных взглядов в методологической трактовке китайской нумерологии придерживались **отечественные синологи В.С. Спирин** (1929–2002) и **А.М. Карапетьянц** (1943–2021), отстаивающие тезис о ее полноценной научности. Спирин видел в ней прежде всего логику, Карапетьянц — математику.

Фундамент **китайской нумерологии** составляют **три типа объектов**, каждый из которых представлен двумя разновидностями:

1) «символы» —

а) триграммы,

б) гексаграммы;

2) «числа» —

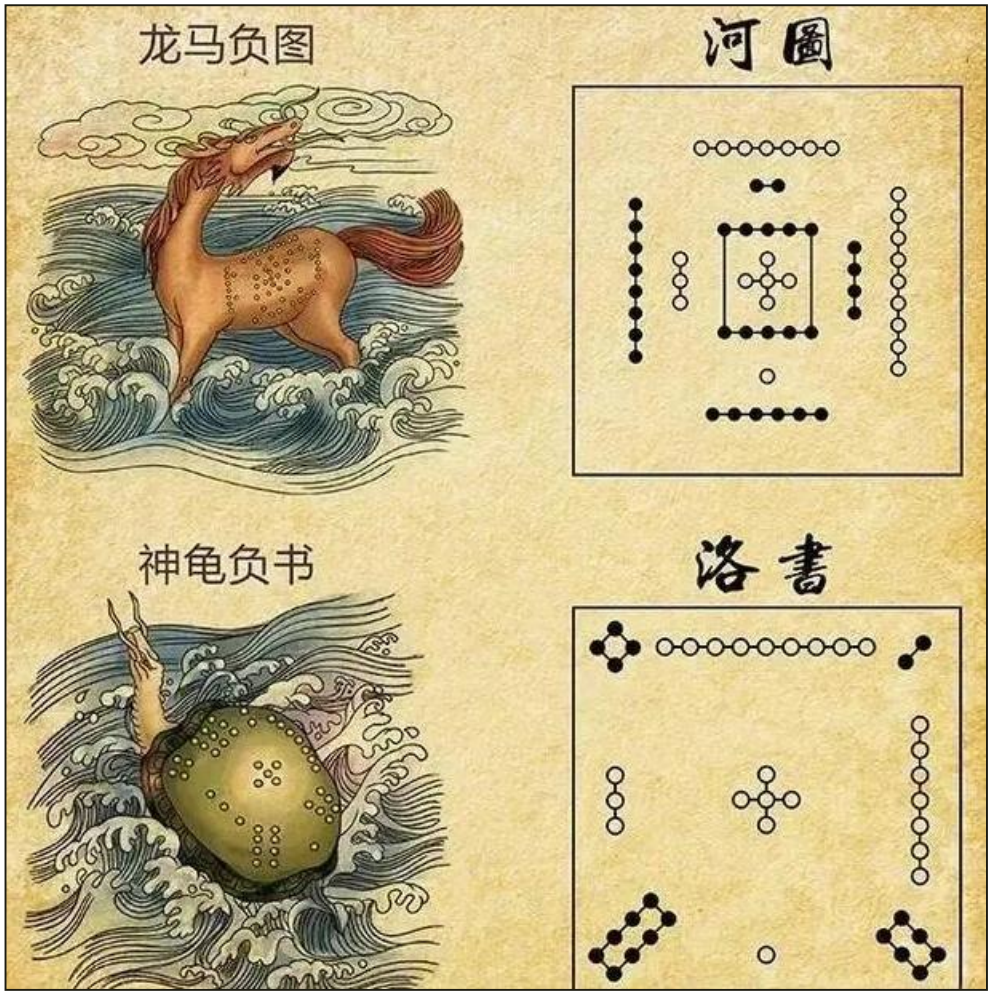
а) *хэ ту*,

б) *ло шу*;

3) главные онтологические ипостаси «символов» и «чисел» —

а) *инь–ян* (темное и светлое),

б) *у син* (пять стихий).

Сама эта система нумерологизирована, поскольку построена на двух исходных нумерологических числах — 3 и 2. В ней отражены все три главных вида графической символизации, использовавшиеся в традиционной китайской культуре: «символы» — геометрические формы; «числа» — цифры; *инь ян*, *у син* — иероглифы.

Древнейшими образцами китайской письменности являются предельно нумерологизированные **надписи на гадательных костях**. Поэтому и в дальнейшем канонические тексты создавались по нумерологическим стандартам. Так в сугубо традиционалистском обществе наиболее значимые идеи неразрывно срастались со знаковыми клише, в которых были строго установлены состав, количество и пространственное расположение иероглифов или любых других графических символов.

За свою долгую историю **нумерологические структуры в Китае достигли высокой степени формализации**. Именно это обстоятельство сыграло решающую роль в победе китайской нумерологии над протологикой, поскольку последняя не стала ни формальной, ни формализованной, как уже силлогистика Аоистотеля, потому не обладала качествами удобного и компактного методологического инструмента (органона).

К началу XXI в. вопреки недавним пророчествам о «конце истории» и триумфальном шествии западной культуры по всему миру выяснилось, что принципиально иные мировоззренческие модели не только продолжают успешно существовать в своих исконных ареалах, но и активно проникают на Запад. Наиболее радикальную и развитую альтернативу угасающей «фаустовской душе» ныне предлагает вчера казавшийся колоссом на глиняных ногах Китай.

Вместо идеалистического умерщвления, или по крайней мере, стыдливого сокрытия живой плоти в XX в. Запад переключился на ее демонстративное культивирование и ублажение, что соответствует фундаментальным принципам телесно и виталистически ориентированных китайцев, изобретших **алхимию** как учение о киноварном (*дань* 丹) «философском камне» и «эликсире бессмертия», т.е. учение о «пестовании жизни» (*ян-шэн* 養生), или **макробиотику**, занимавшуюся прежде всего продлением жизни, и направленные к той же цели **эротологию, диетологию** и т.п.

Постхристианский секуляризировавшийся Запад преисполнился тем же рассудочным натурализмом.

Китайская протологика одновременно противостояла нумерологии и сильно зависела от нее. Так, находясь под воздействием нумерологического понятийного аппарата, в котором понятие **«противоречие» («контрадикторность»)** было растворено в понятии **«противоположность» («контрарность»)**, протологическая мысль не сумела терминологически разграничить «противоречие» и «противоположность».

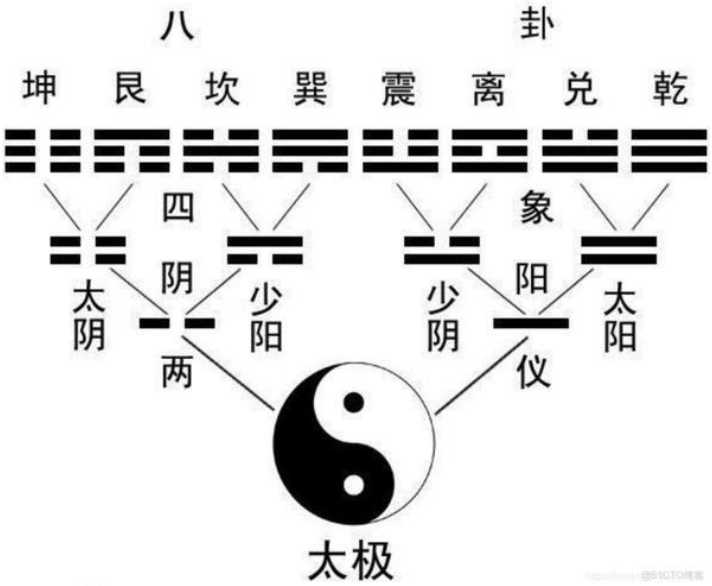
Это в свою очередь самым существенным образом сказалось на характере китайской протологики и диалектики, так как и логическое, и диалектическое определяется через отношение к противоречию. Центральная гносеологическая процедура — **обобщение** — в нумерологии и нумерологизированной протологике была основана на количественном упорядочении объектов и ценностно-нормативном выделении из них главного — **репрезентанта** — без логического отвлечения совокупности идеальных признаков, присущих всему данному классу объектов. **Генерализация** сущностно взаимосвязана с аксиологичностью и нормативностью всего понятийного аппарата классической китайской философии, что обусловило такие фундаментальные особенности последней, как беллетризованность и текстологическая канонообразность.

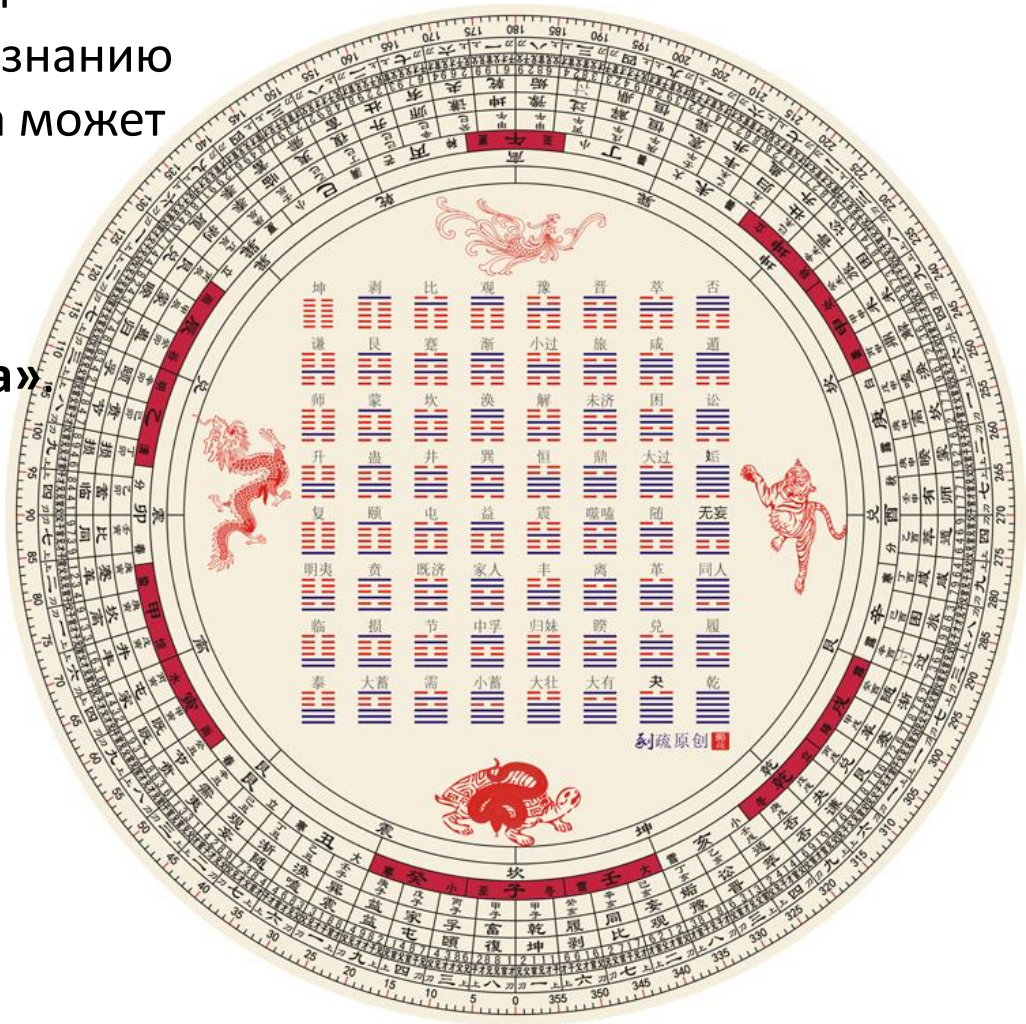
В целом **в классической китайской философии** возобладала **нумерология** при

- теоретической неразработанности оппозиции «логика — диалектика»,
- недифференцированности материалистических и идеалистических тенденций и общем господстве комбинаторно-классификационного натурализма,
- отсутствии логизирующего идеализма, а также
- консервации символической многозначности философской терминологии и ценностно-нормативной иерархии понятий.

Центр тяжести современной западной культуры переместился из «левополушарной» области идей, выраженных алфавитными текстами, в «правополушарную» область визуальных образов, весьма напоминающую тотальный визуализм эстетизированной китайской иероглифики. Сами теоретические основы информационной революции XX в. весьма китаистичны.

Приведшая к созданию компьютерной техники двоичная арифметика, по признанию ее творца **Лейбница**, типологически (а может быть, и генетически) идентична **нумерологической системе *гуа* (три-, гексаграмм),** составляющей ядро китайской «книги книг» **«И цзина».**

Все вышеизложенное позволяет видеть в Китае и в целом в синической цивилизации не только перспективного претендента на ведущую роль в грядущем раскладе геополитических сил, но и мощного носителя чудесным образом приспособленной к современным общемировым ценностям оригинальной философии, синтезирующей высшие достижения древнейшей, традиционалистски рафинированной духовной культуры.

В подобной исторической перспективе более достоверным, чем во время своего опубликования в 1948 г., выглядит предсказание одного из лучших в мире знатоков китайской философии **Фэн Ю-ланя** (馮友蘭, 1895—1990):

«Высшие ценности, с которыми человек соприкасается благодаря философии, даже чище обретаемых через религию, ибо не смешаны с воображением и суеверием. **В мире будущего место религии займет философия. Это следует из китайской традиции**».

Professor Fung Yu-Lan, Ph. D.
馮 友 蘭